

Записки маленькой гимназистки

Автор:

Лидия Чарская

Записки маленькой гимназистки

Лидия Алексеевна Чарская

Увлекательная и поучительная история о молодой девушке, приехавшей в Петербург учиться в гимназии. Героине сложно в новой среде, но душевная доброта помогает ей справиться с трудностями, подружиться с одноклассницами, понять и полюбить своих родственников.

Лидия Чарская

Записки маленькой гимназистки

Глава 1

В чужой город, к чужим людям

Тук-тук! Тук-тук! Тук-тук! – стучат колеса, и поезд быстро мчится все вперед и вперед.

Мне слышатся в этом однообразном шуме одни и те же слова, повторяемые десятки, сотни, тысячи раз. Я чутко прислушиваюсь, и мне кажется, что колеса выстукивают одно и то же, без счета, без конца: вот так-так! вот так-так! вот так-так!

Колеса стучат, а поезд мчится и мчится без оглядки, как вихрь, как стрела...

В окне навстречу нам бегут кусты, деревья, станционные домики и телеграфные столбы, наставленные по откосу полотна железной дороги...

Или это поезд наш бежит, а они спокойно стоят на одном месте? Не знаю, не понимаю.

Впрочем, я многого не понимаю, что случилось со мною за эти последние дни.

Господи, как все странно делается на свете! Могла ли я думать несколько недель тому назад, что мне придется покинуть наш маленький, уютный домик на берегу Волги и ехать одной-одинешеньке за тысячи верст к каким-то дальним, совершенно неизвестным родственникам?.. Да, мне все еще кажется, что это только сон, но – увы! – это не сон!..

– Петербург! – раздался за моей спиной голос кондуктора, и я увидела перед собою его доброе широкое лицо и густую рыжеватую бороду.

Этого кондуктора звали Никифором Матвеевичем. Он всю дорогу заботился обо мне, поил меня чаем, постлал мне постель на лавке и, как только у него было время, всячески развлекал меня. У него, оказывается, была моих лет дочурка, которую звали Нюрой и которая с матерью и братом Сережей жила в Петербурге. Он мне и адрес даже свой в карман сунул – «на всякий случай», если бы я захотела навестить его и познакомиться с Нюрой.

– Очень уж я вас жалею, барышня, – говорил мне не раз во время моего недолгого пути Никифор Матвеевич, – потому сиротка вы, а Бог сироток велит любить. И опять, одна вы, как есть одна на свете; петербургского дяденьки своего не знаете, семьи его также... Нелегко ведь... А только, если уж очень невмоготу станет, вы к нам приходите. Меня дома редко застанете, потому в разъездах я все больше, а жена с Нюрой вам рады будут. Они у меня добрые...

Я поблагодарила ласкового кондуктора и обещала ему побывать у него...

– Петербург! – еще раз выкрикнул за моей спиной знакомый голос и, обращаясь ко мне, добавил: – Вот и приехали, барышня. Дозвольте, я вещички ваши соберу,

а то после поздно будет. Ишь суетня какая!

И правда, в вагоне поднялась страшная суматоха. Пассажиры и пассажирки суетились и толкались, укладывая и увязывая вещи. Какая-то старушка, ехавшая напротив меня всю дорогу, потеряла кошелек с деньгами и кричала, что ее обокрали. Чей-то ребенок плакал в углу. У двери стоял шарманщик и наигрывал тоскливую песенку на своем разбитом инструменте.

Я выглянула в окно. Господи! Сколько труб я увидела! Трубы, трубы и трубы! Целый лес труб! Из каждой вился серый дымок и, поднимаясь вверх, расплывался в небе. Моросил мелкий осенний дождик, и вся природа, казалось, хмурилась, плакала и жаловалась на что-то.

Поезд пошел медленнее. Колеса уже не выкрикивали свое неугомонное «вот так-так!». Они стучали теперь значительно протяжнее и тоже точно жаловались на то, что машина насильно задерживает их бойкий, веселый ход.

И вот поезд остановился.

– Пожалуйте, приехали, – произнес Никифор Матвеевич.

И, взяв в одну руку мой теплый платок, подушку и чемоданчик, а другою крепко сжав мою руку, повел меня из вагона, с трудом протискиваясь через толпу.

Глава 2

Моя мамочка

Была у меня мамочка, ласковая, добрая, милая. Жили мы с мамочкой в маленьком домике на берегу Волги. Домик был такой чистый и светленький, а из окон нашей квартиры видно было и широкую, красивую Волгу, и огромные двухэтажные пароходы, и барки, и пристань на берегу, и толпы гуляющих, выходивших в определенные часы на эту пристань встречать приходящие пароходы... И мы с мамочкой ходили туда, только редко, очень редко: мамочка давала уроки в нашем городе, и ей нельзя было гулять со мною так часто, как бы

мне хотелось. Мамочка говорила:

– Подожди, Ленуша, накоплю денег и прокачу тебя по Волге от нашего Рыбинска вплоть до самой Астрахани! Вот тогда-то нагуляемся вдоволь.

Я радовалась и ждала весны.

К весне мамочка прикопила немножко денег, и мы решили с первыми же теплыми днями исполнить нашу затею.

– Вот как только Волга очистится от льда, мы с тобой и покатым! – говорила мамочка, ласково поглаживая меня по голове.

Но когда лед тронулся, она простудилась и стала кашлять. Лед прошел, Волга очистилась, а мамочка все кашляла и кашляла без конца. Она стала как-то разом худенькая и прозрачная, как воск, и все сидела у окна, смотрела на Волгу и твердила:

– Вот пройдет кашель, поправлюсь немного, и покатым мы с тобою до Астрахани, Ленуша!

Но кашель и простуда не проходили; лето было сырое и холодное в этом году, и мамочка с каждым днем становилась все хуже, бледнее и прозрачнее.

Наступила осень. Подошел сентябрь. Над Волгой потянулись длинные вереницы журавлей, улетающих в теплые страны. Мамочка уже не сидела больше у окна в гостинной, а лежала на кровати и все время дрожала от холода, в то время как сама была горячая как огонь.

Раз она подозвала меня к себе и сказала:

– Слушай, Ленуша. Твоя мама скоро уйдет от тебя навсегда... Но ты не горюй, милушка. Я всегда буду смотреть на тебя с неба и буду радоваться на добрые поступки моей девочки, а...

Я не дала ей договорить и горько заплакала. И мамочка заплакала также, а глаза у нее стали грустные-грустные, такие же точно, как у того ангела,

которого я видела на большом образе в нашей церкви.

Успокоившись немного, мамочка снова заговорила:

– Я чувствую, Господь скоро возьмет меня к Себе, и да будет Его святая воля! Будь умницей без мамы, молись Богу и помни меня... Ты поедешь жить к твоему дяде, моему родному брату, который живет в Петербурге... Я писала ему о тебе и просила приютить сиротку...

Что-то больно-больно при слове «сиротка» сдавило мне горло...

Я зарыдала, заплакала и забилась у маминой постели. Пришла Марьюшка (кухарка, жившая у нас целые девять лет, с самого года моего рождения, и любившая мамочку и меня без памяти) и увела меня к себе, говоря, что «мамаше нужен покой».

Вся в слезах уснула я в эту ночь на Марьюшкиной постели, а утром... Ах, что было утром!..

Я проснулась очень рано, кажется, часов в шесть, и хотела прямо побежать к мамочке.

В эту минуту вошла Марьюшка и сказала:

– Молись Богу, Леночка: Боженька взял твою мамашу к себе. Умерла твоя мамочка.

– Умерла мамочка! – как эхо повторила я.

И вдруг мне стало так холодно-холодно! Потом в голове у меня зашумело, и вся комната, и Марьюшка, и потолок, и стол, и стулья – все перевернулось и закружилось в моих глазах, и я уже не помню, что случилось со мною вслед за этим. Кажется, я упала на пол без чувств...

Очнулась я тогда, когда уже мамочка лежала в большом белом ящике, в белом платье, с белым веночком на голове. Старенький седенький священник читал молитвы, певчие пели, а Марьюшка молилась у порога спальни. Приходили

какие-то старушки и тоже молились, потом глядели на меня с сожалением, качали головами и шамкали что-то беззубыми ртами...

– Сиротка! Круглая сиротка! – тоже покачивая головой и глядя на меня жалостливо, говорила Марьюшка и плакала. Плакали и старушки...

На третий день Марьюшка подвела меня к белому ящику, в котором лежала мамочка, и велела поцеловать мне мамочкину руку. Потом священник благословил мамочку, певчие запели что-то очень печальное; подошли какие-то мужчины, закрыли белый ящик и понесли его вон из нашего домика...

Я громко заплакала. Но тут подоспели знакомые мне уже старушки, говоря, что мамочку несут хоронить и что плакать не надо, а надо молиться.

Белый ящик принесли в церковь, мы отстояли обедню, а потом снова подошли какие-то люди, подняли ящик и понесли его на кладбище. Там уже была вырыта глубокая черная яма, куда и опустили мамочкин гроб. Потом яму забросали землю, поставили над нею белый крестик, и Марьюшка повела меня домой.

По дороге она говорила мне, что вечером повезет меня на вокзал, посадит в поезд и отправит в Петербург к дяде.

– Я не хочу к дяде, – проговорила я угрюмо, – не знаю никакого дяди и боюсь ехать к нему!

Но Марьюшка сказала, что стыдно так говорить большой девочке, что мамочка слышит это и что ей больно от моих слов.

Тогда я притихла и стала припоминать лицо дяди.

Я никогда не видела моего петербургского дяди, но в мамочкином альбоме был его портрет. Он был изображен на нем в золотом шитом мундире, со множеством орденов и со звездой на груди. У него был очень важный вид, и я его невольно боялась.

После обеда, к которому я едва притронулась, Марьюшка уложила в старый чемоданчик все мои платья и белье, напоила меня чаем и повезла на вокзал.

Глава 3

Клетчатая дама

Когда подъехал поезд, Марьюшка отыскала знакомого кондуктора и просила его довезти меня до Петербурга и смотреть за мною дорогою. Затем она дала мне бумажку, на которой записано было, где живет в Петербурге мой дядя, перекрестила меня и, сказав: «Ну, будь умницей!» – простилась со мною...

Всю дорогу я провела точно во сне. Напрасно сидевшие в вагоне старались развлечь меня, напрасно добрый Никифор Матвеевич обращал мое внимание на попадавшиеся нам по дороге разные деревни, строения, стада... Я ничего не видела, ничего не замечала...

Так доехала я до Петербурга...

Выйдя с моим спутником из вагона, я была сразу оглушена шумом, криками и суетою, царившими на вокзале. Люди бежали куда-то, сталкивались друг с другом и снова бежали с озабоченным видом, с руками, занятыми узлами, свертками и пакетами.

У меня даже голова закружилась от всего этого шума, грохота, крика. Я не привыкла к нему. В нашем приволжском городе не было так шумно.

– А кто же вас встречать будет, барышня? – вывел меня из задумчивости голос моего спутника.

Я невольно смутилась его вопросом.

Кто меня будет встречать? Не знаю!

Провожая меня, Марьюшка успела сообщить мне, что ею послана телеграмма в Петербург дяде, извещающая его о дне и часе моего приезда, но выедет ли он меня встретить или нет – этого я положительно не знала.

И потом, если дядя даже и будет на вокзале, как я узнаю его? Ведь я его только и видела на портрете в мамочкином альбоме!

Размышляя таким образом, я в сопровождении моего покровителя Никифора Матвеевича бегала по вокзалу, внимательно вглядываясь в лица тех господ, которые имели хоть самое отдаленное сходство с дядиным портретом. Но положительно никого похожего не оказывалось на вокзале.

Я уже порядочно таки устала, но все еще не теряла надежды увидеть дядю.

Крепко схватившись за руки, мы с Никифором Матвеевичем метались по платформе, поминутно натываясь на встречную публику, расталкивая толпу и останавливаясь перед каждым мало-мальски важного вида господином.

– Вот, вот еще один похожий, кажется, на дядю! – вскричала я с новой надеждой, увлекая моего спутника вслед за высоким седым господином в черной шляпе и широком модном пальто.

Мы прибавили шагу и теперь чуть не бегом бежали за высоким господином.

Но в ту минуту, когда мы уже почти настигли его, высокий господин повернул к дверям зала первого класса и исчез из виду. Я бросилась за ним следом, Никифор Матвеевич за мною...

Но тут случилось нечто неожиданное: я нечаянно запнулась за ногу проходившей мимо дамы в клетчатом платье, в клетчатой накидке и с клетчатым же бантом на шляпе. Дама взвизгнула не своим голосом и, выронив из рук огромный клетчатый зонтик, растянулась во всю свою длину на дощатом полу платформы.

Я бросилась к ней с извинениями, как и подобает хорошо воспитанной девочке, но она даже не удостоила меня хотя бы единым взглядом.

– Невежи! Олухи! Неучи! – кричала на весь вокзал клетчатая дама. – Несутся как угорелые и сбивают с ног порядочную публику! Невежи, неучи! Вот я пожалуй на вас начальнику станции! Директору дороги! Градоначальнику! Помогите хоть подняться-то, невежи!

И она барахталась, делая усилия встать, но ей это никак не удавалось.

Никифор Матвеевич и я подняли наконец клетчатую даму, подали ей отброшенный во время ее падения огромный зонтик и стали расспрашивать, не ушиблась ли она.

– Ушиблась, понятно! – все тем же сердитым голосом кричала дама. – Понятно, ушиблась. Что за вопрос! Тут насмерть убить, не только ушибить можно. А все ты! Все ты! – внезапно накинулась она на меня. – Скачешь, как дикая лошадь, противная девчонка! Вот подожди ты у меня, городовому скажу, в полицию отправлю! – И она сердито застучала зонтиком по доскам платформы. – Полицейский! Где полицейский? Позовите мне его! – снова завопила она.

Я обомлела. Страх охватил меня. Не знаю, что бы случилось со мною, если бы Никифор Матвеевич не вмешался в это дело и не заступился за меня.

– Полноте, сударыня, не пугайте ребенка! Видите, девочка сама не своя от страха, – проговорил своим добрым голосом мой защитник, – и то сказать – не виновата она. Сама в расстройстве. Наскочила нечаянно, уронила вас, потому что за дядей спешила. Показалось ей, что дядя идет. Сиротка она. Вчера в Рыбинске мне ее передали с рук на руки, чтобы к дяденьке доставить в Петербург. Генерал у нее дяденька... Генерал Иконин... Фамилии этой не слышали ли?

Едва только мой новый друг и защитник успел произнести последние слова, как с клетчатой дамой произошло что-то необычайное. Голова ее с клетчатым бантом, туловище в клетчатой накидке, длинный крючковатый нос, рыжеватые кудельки на висках и большой рот с тонкими синеватыми губами – все это запрыгало, заметалось и заплясало какой-то странный танец, а из-за тонких губ стали вырываться хриплые, шипящие и свистящие звуки. Клетчатая дама хохотала, отчаянно хохотала во весь голос, выронив свой огромный зонтик и схватившись за бока, точно у нее сделались колики.

– Ха-ха-ха! – выкрикивала она. – Вот что еще выдумали! Сам дяденька! Сам, видите ли, генерал Иконин, его превосходительство, должен явиться на вокзал встретить эту принцессу! Знатная барышня какая, скажите на милость! Ха-ха-ха! Нечего сказать, разодолжила! Ну, не прогневишься, матушка, на этот раз дядя не выехал к тебе навстречу, а послал меня. Не думал он, что ты за птица... Ха-ха-

ха!!!

Не знаю, долго ли еще смеялась бы клетчатая дама, если бы, снова придя мне на помощь, Никифор Матвеевич не остановил ее.

– Полно, сударыня, над дитятей неразумным потешаться, – произнес он строго. – Грех! Сиротка барышня-то... круглая сирота. А сирот Бог...

– Не ваше дело. Молчать! – неожиданно вскричала, прервав его, клетчатая дама, и смех ее разом пресекся. – Несите за мною барышнины вещи, – добавила она несколько мягче и, обернувшись ко мне, бросила вскользь: – Идем. Нет у меня времени лишнего возиться с тобою. Ну, поворачивайся! Живо! Марш!

И, грубо схватив меня за руку, она потащила меня к выходу.

Я едва-едва поспевала за ней.

У крыльца вокзала стояла хорошенькая щегольская пролетка, запряженная красивою вороной лошадыю. Седой, важного вида кучер восседал на козлах.

– Степан, подавай! – крикнула во весь голос клетчатая дама.

Кучер дернул вожжами, и нарядная пролетка подъехала вплотную к самым ступеням вокзального подъезда.

Никифор Матвеевич поставил на дно ее мой чемоданчик, потом помог взобраться в экипаж клетчатой даме, которая заняла при этом все сиденье, оставив для меня ровно столько места, сколько потребовалось бы, чтобы поместить на нем куклу, а не живую девятилетнюю девочку.

– Ну, прощайте, милая барышня, – ласково зашептал мне Никифор Матвеевич, – дай вам Бог счастливо устроиться у дяденьки. А ежели что – к нам милости просим. Адресок у вас есть. На самой окраине мы живем, на шоссе у Митрофаниевского кладбища, за заставой... Запомните? А уж Нюрка рада-то будет! Она сироток любит. Добрая она у меня.

Еще долго бы говорил со мною мой приятель, если бы голос клетчатой дамы не прозвучал с высоты сиденья:

– Ну, долго ли ты еще заставишь ждать себя, несносная девчонка! Что у тебя за разговоры с мужиком! Сейчас же на место, слышишь!

Я вздрогнула, как под ударом хлыста, от этого едва знакомого мне, но успевшего стать уже неприятным голоса и поспешила занять свое место, наскоро пожав руку и поблагодарив моего недавнего покровителя.

Кучер дернул вожжами, лошадь снялась с места, и, мягко подпрыгивая и обдавая прохожих комками грязи и брызгами из луж, пролетка быстро понеслась по шумным городским улицам.

Крепко ухватившись за край экипажа, чтобы не вылететь на мостовую, я с удивлением смотрела на большие пятиэтажные здания, на нарядные магазины, на конки и омнибусы, с оглушительным звоном катившие по улице, и невольно сердце мое сжималось от страха при мысли о том, что ждет меня в этом большом, чужом мне городе, в чужой семье, у чужих людей, про которых я так мало слышала и знала.

Глава 4

Семейство Икониных. – Первые невзгоды

– Матильда Францевна привезла девочку!

– Твою кузину, а не просто девочку...

– И твою тоже!

– Врешь! Я не хочу никакой кузины! Она нищая.

– И я не хочу!

– И я! И я!

– Звонят! Ты оглох, Федор?

– Привезла! Привезла! Ура!

Все это я слышала, стоя перед обитой темно-зеленой клеенкой дверью. На прибитой к двери медной дощечке было выведено крупными красивыми буквами: **ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ СТАТСКИЙ СОВЕТНИК МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ИКОНИН.**

За дверью слышались торопливые шаги, и лакей в черном фраке и белом галстуке, такой, какого я видела только на картинках, широко распахнул дверь.

Едва только я перешагнула порог ее, как кто-то быстро схватил меня за руку, кто-то тронул за плечи, кто-то закрыл мне рукою глаза, в то время как уши мои наполнились шумом, звоном и хохотом, от которого у меня разом закружилась голова.

Когда я очнулась немного и глаза мои снова могли смотреть, я увидела, что стою посреди роскошно убранной гостиной с пушистыми коврами на полу, с нарядной позолоченной мебелью, с огромными зеркалами от потолка до пола. Такой роскоши мне никогда еще не доводилось видеть, и потому немудрено, если все это показалось мне сном.

Вокруг меня толпились трое детей: одна девочка и два мальчика. Девочка была ровесница мне. Белокурая, нежная, с длинными вьющимися локонами, перевязанными розовыми бантиками у висков, с капризно вздернутой верхней губой, она казалась хорошенькой фарфоровой куколкой. На ней было надето очень нарядное белое платье с кружевным воланом и розовым же кушаком. Один из мальчиков, тот, который был значительно старше, одетый в форменный гимназический мундирчик, очень походил на сестру; другой, маленький, кудрявый, казался не старше шести лет. Худенькое, живое, но бледное его личико казалось болезненным на вид, но пара карих и быстрых глазенок так и впились в меня с самым живым любопытством.

Это были дети моего дяди – Жоржик, Нина и Толя, – о которых мне не раз рассказывала покойная мамочка.

Дети молча смотрели на меня. Я – на детей.

Минут пять длилось молчание.

И вдруг младший мальчуган, которому наскучило, должно быть, стоять так, неожиданно поднял руку и, ткнув в меня указательным пальцем, произнес:

– Вот так фигура!

– Фигура! Фигура! – вторила ему белокурая девочка. – И правда: фи-гу-ра! Толька верно сказал!

И она запрыгала на одном месте, хлопая в ладоши.

– Очень остроумно, – произнес в нос гимназист, – есть чему смеяться. Просто она мокрица какая-то!

– Как мокрица? Отчего мокрица? – так и всколыхнулись младшие дети.

– Да вон, разве не видите, как она пол намочила. В калошах ввалилась в гостиную. Остроумно! Нечего сказать! Вон наследила как! Лужа. Мокрица и есть.

– А что это такое – мокрица? – любопытствовал Толя, с явным почтением глядя на старшего брата.

– М-м... м-м... м-м... – смешался гимназист, – м-м... это цветок такой: когда к нему прикоснешься пальцем, он сейчас и закроется... Вот...

– Нет, вы ошибаетесь, – вырвалось у меня против воли. (Мне покойная мама читала и про растения, и про животных, и я очень много знала для своих лет). – Цветок, который закрывает свои лепестки при прикосновении, – это мимоза, а мокрица – это водяное животное вроде улитки.

– М-м-м... – мычал гимназист, – не все ли равно, цветок или животное. У нас еще этого не проходили в классе. А вы чего с носом суетесь, когда вас не спрашивают? Ишь какая умница выискалась!.. – внезапно накинулся он на меня.

– Ужасная выскочка! – вторила ему девочка и прищурила свои голубые глазки. – Вы лучше бы за собой следили, чем Жоржа поправлять, – капризно протянула она, – Жорж умнее вас, а вы вот в калошах в гостиную влезли. Очень красиво!

– Остроумно! – снова процедил гимназист.

– А ты все-таки мокрица! – пропищал его братишка и захихикал. – Мокрица и нищая!

Я вспыхнула. Никто еще не называл меня так. Прозвище нищей обидело меня больше всего остального. Я видела нищих у паперти церковей и не раз сама подавала им деньги по приказанию мамочки. Они просили «ради Христа» и протягивали за милостыней руку. Я руки за милостыней не протягивала и ничего ни у кого не просила. Значит, он не смеет называть меня так. Гнев, горечь, озлобление – все это разом закипело во мне, и, не помня себя, я схватила моего обидчика за плечи и стала трясти его изо всей силы, задыхаясь от волнения и гнева.

– Не смей говорить так. Я не нищая! Не смей называть меня нищей! Не смей! Не смей!

– Нет, нищая! Нет, нищая! Ты у нас из милости жить будешь. Твоя мама умерла и денег тебе не оставила. И обе вы нищие, да! – как заученный урок повторял мальчик. И, не зная, еще чем досадить мне, он высунул язык и стал делать перед моим лицом самые невозможные гримасы. Его брат и сестра хохотали от души, потешаясь этой сценой.

Никогда не была я злючкой, но когда Толя обидел мою мамочку, я вынести этого не могла. Страшный порыв злобы охватил меня, и с громким криком, не задумываясь и сама не помня, что делаю, я изо всей силы толкнула моего двоюродного братца.

Он сильно пошатнулся сначала в одну сторону, потом в другую и, чтобы удержать равновесие, схватился за стол, на котором стояла ваза. Она была очень красивая, вся расписанная цветами, аистами и какими-то смешными черноволосыми девочками в цветных длинных халатах, в высоких прическах и с раскрытыми веерами у груди.

Стол закачался не меньше Толи. С ним закачалась и ваза с цветами и черненькими девочками. Потом ваза скользнула на пол... Раздался оглушительный треск.

Трах!

И черненькие девочки, и цветы, и аисты – все смешалось и исчезло в одной общей гряде черепков и осколков.

Глава 5

Разбитая ваза. – Тетя Нелли и дядя Мишель

Минуту длилось гробовое молчание. На лицах детей был написан ужас. Даже Толя присмирел и вращал во все стороны испуганными глазами.

Жорж первый нарушил молчание.

– Остроумно! – протянул он в нос.

Ниночка покачала своей красивой головкой, глядя на грудку черепков, и произнесла значительно:

– Любимая мамина японская ваза.

– Ну так что же! – прикрикнул на нее старший брат. – А кто виноват?

– Не я только! – выпалил Толя.

– И не я! – поспешила не отстать от него Ниночка.

– Так я, по-вашему, что ли? Остроумно! – обиделся гимназист.

- Не ты, а Мокрица! - выкрикнула Ниночка.

- Конечно, Мокрица! - подтвердил и Толя.

- Мокрица и есть. Надо пожаловаться мамзельке. Зовите сюда вашу Баварию Ивановну - то бишь Матильду Францевну. Ну, чего рты разинули! - командовал Жорж младшим детям. - Не понимаю только, чего она смотрит за вами!

И, пожав плечами, он с видом взрослого человека заходил по зале.

Ниночка и Толя скрылись в одну минуту и тотчас же снова появились в гостиной, таща за собою Матильду Францевну, ту самую клетчатую даму, которая встретила меня на вокзале.

- Что за шум? Что за шкандаль? - спрашивала она, глядя на всех нас строгими вопрошающими глазами.

Тогда дети, окружив ее, стали рассказывать хором, как все случилось. Если б я не была так убита горем в эту минуту, то невольно удивилась бы тому избытку лжи, которая сквозила в каждой фразе маленьких Икониных.

Но я ничего не слышала и не хотела слышать. Я стояла у окна, смотрела на небо, на серое петербургское небо, и думала: «Там, наверху, моя мамочка. Она смотрит на меня и видит все. Вероятно, она недовольна мною. Вероятно, ей тяжело видеть, как нехорошо поступила сейчас ее Леночка... Мамочка, милая, - шептало мое сильно бьющееся сердце, - разве я виновата, что они такие злые, такие нехорошие задиры?»

- Ты глухая или нет! - внезапно раздался за мною резкий окрик, и цепкие пальцы клетчатой дамы впились мне в плечо. - Ты ведешь себя как настоящая разбойница. Уже на вокзале подставила мне ножку...

- Неправда! - вне себя прервала я резко. - Неправда! Я не делала этого! Я нечаянно толкнула вас!

- Молчать! - взвизгнула она так, что стоявший неподалеку от нее Жорж зажал себе уши. - Мало того что ты груба и резка, ты еще лгунья и драчунья! Нечего

сказать, сокровище приобрели мы себе в дом! – И, говоря это, она дергала меня за плечи, за руки и за платье, в то время как глаза ее так и сверкали злобой. – Ты будешь наказана, – шипела Матильда Францевна, – ты будешь строго наказана! Отправляйся снимать бурнус и калоши! Давно пора.

Внезапный звонок заставил ее умолкнуть. Дети разом оправились и подтянулись, услышав этот звонок. Жорж одернул мундирчик, Толя поправил волосы. Одна только Ниночка не обнаружила никакого волнения и, подпрыгивая на одной ножке, побежала в прихожую посмотреть, кто звонил.

Через гостиную пробежал лакей, неслышно скользя по коврам мягкими подошвами, тот самый лакей, который открывал нам двери.

Тотчас же из передней донесся веселый голос Ниночки:

– Мама! Папочка! Как вы поздно!

Послышался звук поцелуя, и через минуту в гостиную вошли очень нарядно одетая в светлосерое платье дама и полный, очень добродушного вида господин с таким же точно, но только менее важным лицом, какое было на дядином портрете.

Красивая, нарядная дама была как две капли воды похожа на Ниночку, или, вернее, Ниночка была вылитая мать. То же холодно-надменное личико, та же капризно вздернутая губка.

– Ну, здравствуй, девочка! – произнес густым басом полный господин, обращаясь ко мне. – Иди-ка сюда, дай взглянуть на тебя! Ну-ну, поцелуй дядю. Нечего дичиться. Живо! – шутливым голосом говорил он...

Но я не двигалась с места. Правда, лицо высокого господина было очень похоже на лицо дяди на портрете, но где же остались его золотом шитый мундир, важный вид и ордена, которые были изображены на портрете? Нет, решила я, это не дядя Миша.

Полный господин, видя мою нерешительность, произнес тихо, обращаясь к даме:

- Она немного дика, Нелли. Уж ты извини. Придется заняться ее воспитанием.

- Благодарю покорно! - отвечала та и сделала недовольную гримаску, отчего вдруг стала еще более походить на Ниночку. - Мало мне забот со своими! Пойдет в гимназию, там ее и вымуштруют...

- Ну, конечно, конечно, - согласился полный господин. А потом прибавил, обращаясь ко мне: - Здравствуй же, Лена! Что ж ты не подойдешь ко мне поздороваться! Я твой дядя Мишель.

- Дядя? - неожиданно сорвалось у меня с губ помимо моего желания. - Вы - дядя? А как же мундир и ордена, где же у вас тот мундир и ордена, которые я видела на портрете?

Он сначала не понял, что я у него спрашиваю. Но разобрав, в чем дело, весело и громко рассмеялся своим громким, густым, басистым голосом.

- Так вот оно что, - добродушно произнес он, - тебе орденов и звезду захотелось? Ну, ордена и звезду я дома не надеваю, девочка. Уж извини, они у меня в комодке лежат до поры до времени... А будешь умницей и скучать у нас не станешь - я тебе их тогда и покажу в награду...

И, наклонившись ко мне, он поднял меня на воздух и крепко поцеловал в обе щеки.

Мне сразу понравился дядя. Он был такой ласковый, добрый, что невольно тянуло к нему. К тому же он доводился родным братом покойной мамочке, и это еще более сблизило меня с ним. Я готова была уже броситься ему на шею и расцеловать его милое, улыбающееся лицо, как внезапно надо мною раздался неприятный, шипящий голос моего нового неожиданного врага - Матильды Францевны.

- Не очень-то ее ласкайте, Herr General (господин генерал), она очень гадкая девочка, - заговорила Матильда Францевна. - Всего только полчаса как у вас в доме, а уже успела наделать много дурного.

И тут же своим противным, шипящим голосом Матильда Францевна пересказала все то, что случилось до прихода дяди и тети. Дети подтвердили ее слова. И никто из них не сказал, почему все это так случилось и кто настоящий виновник всех происшедших бед. Во всем оказалась виновата только Лена, одна только Лена...

«Бедная Лена!.. Mamочка, зачем ты покинула меня?»

По мере того как немка рассказывала, все сумрачнее и печальнее становилось лицо дяди, и тем строже и холоднее смотрели на меня глаза тети Нелли, его жены. Осколки разбитой вазы и следы на паркете от мокрых калош вместе с растерзанным видом Толи – все это далеко не говорило в мою пользу.

Когда Матильда Францевна кончила, тетя Нелли строго нахмурилась и сказала:

– Ты будешь непременно наказана в следующий раз, если позволишь себе что-либо подобное.

Дядя посмотрел на меня грустными глазами и заметил:

– Твоя мама в детстве была кротка и послушна, Лена. Мне жаль, что ты так мало похожа на нее...

Я готова была заплакать от обиды и горечи, готова была броситься на шею дяде и рассказать ему, что все это неправда, что меня обидели совершенно незаслуженно и что я далеко не так виновата, как объяснили ему сейчас. Но слезы душили меня, и я не могла выговорить ни слова. Да и к чему было говорить! Мне бы все равно не поверили...

Как раз в эту минуту на пороге залы появился лакей в белых перчатках, с салфеткою в руках и доложил, что кушать подано.

– Иди сними с себя верхнюю одежду и вымой руки да пригладь волосы, – приказала мне суровым, строгим голосом тетя Нелли. – Ниночка проводит тебя.

Ниночка с неохотой оторвалась от матери, которая стояла обнявшись со своей любимицей. Сказав мне сухо «пойдемте», она повела меня куда-то целым рядом

светлых, красиво убранных комнат.

В просторной детской, где стояли три совершенно одинаково убранные кровати, она подвела меня к изящному мраморному умывальнику.

Пока я мыла руки и тщательно обтирала их полотенцем, Ниночка разглядывала меня очень подробно, наклонив немного в сторону свою белокурую головку.

Думая, что она хочет заговорить со мною, но стесняется, я ободряюще улыбнулась ей.

Но она вдруг фыркнула, покраснела и в тот же миг повернулась ко мне спиной.

Я поняла по этому движению девочки, что она сердится на меня за что-то, и решила оставить ее в покое.

Глава 6

Горбунья. – Новый враг

Когда мы вошли в столовую, над длинным обеденным столом горела люстра, ярко освещая комнату.

Вся семья уже сидела за обедом. Тетя Нелли указала мне место около Матильды Францевны, которая, таким образом, очутилась между мною и Ниночкой, приютившейся около матери. Напротив нас сидели дядя Мишель и оба мальчика.

Подле меня оказался еще один незанятый прибор. Этот прибор невольно привлек мое внимание.

«Разве в семье Иконовых есть еще кто-нибудь?» – подумала я.

И как бы в подтверждение моих мыслей дядя взглянул на пустой прибор недовольными глазами и спросил у тети:

- Опять наказана? Да?

- Должно быть! - пожалала та плечами.

Дядя хотел еще спросить что-то, но не успел, потому что как раз в это время в передней прозвенел такой оглушительный звонок, что тетя Нелли невольно зажала себе уши, а Матильда Францевна на целые пол-аршина подпрыгнула на стуле.

- Отвратительная девчонка! Сколько раз ей сказано не трезвонить так! - произнесла тетя сердитым голосом и обернулась к дверям.

Я посмотрела туда же. На пороге столовой стояла маленькая безобразная фигурка с приподнятыми плечами и длинным бледным лицом. Лицо было такое же безобразное, как и фигурка. Длинный крючковатый нос, тонкие бледные губы, нездоровый цвет кожи и густые черные брови на низком, упрямом лбу. Единственно, что было красиво в этом недетски суровом и недобром старообразном личике, - так это одни глаза. Большие, черные, умные и пронизательные, они горели, как два драгоценных камня, и сверкали, как звезды, на худеньком бледном лице.

Когда девочка повернулась немного, я тотчас заметила огромный горб за ее плечами.

Бедная, бедная девочка! Так вот почему у нее такое измученное бледное личико, такая жалкая обезображенная фигурка!

Мне стало до слез жалко ее. Покойная мамочка учила меня постоянно любить и жалеть калек, обиженных судьбою. Но, очевидно, никто, кроме меня, не жалел маленькую горбуню. По крайней мере, Матильда Францевна окинула ее с головы до ног сердитым взглядом и спросила, ехидно поджимая свои синие губы:

- Опять изволили быть наказаны?

А тетя Нелли вскользь взглянула на горбуню и бросила мимоходом:

– Сегодня опять без пирожного. И в последний раз запрещаю тебе так трезвонить. Нечего на ни в чем не повинных вещах показывать свой прелестный характер. Когда-нибудь оборвешь звонок. Злючка!

Я взглянула на горбунью. Я была уверена, что она покраснеет, смутится, что на глаза ее набегут слезы. Но ничуть не бывало! Она с самым равнодушным видом подошла к матери и поцеловала у нее руку, потом направилась к отцу и чмокнула его кое-как в щеку. С братьями, сестрой и гувернанткой она и не думала здороваться. Меня как бы не заметила совсем.

– Жюли! – обратился к горбатой девочке дядя, как только она уселась на незанятое место по соседству со мною. – Разве ты не видишь, что у нас гостя? Поздоровайся же с Леной. Она твоя кузина.

Маленькая горбунья подняла глаза от тарелки с супом, за который она принялась было с большою жадностью, и посмотрела на меня как-то боком, вскользь.

Господи! Что за глаза это были! Злые, ненавидящие, угрожающие, суровые, как у голодного волчонка, которого затравили охотники... Точно я была ее давнишним и злейшим врагом, которого она ненавидела всей душой. Вот что выражали черные глаза горбатой девочки...

Когда подали сладкое – что-то красивое, розовое и пышное, в виде башенки, на большом фарфоровом блюде, – тетя Нелли повернула к лакею свое холодное красивое лицо и проговорила строго:

– Старшая барышня сегодня без пирожного.

Я взглянула на горбунью. Ее глаза загорелись злыми огоньками, и без того бледное лицо побледнело еще больше.

Матильда Францевна положила мне на тарелку кусочек пышной розовой башенки, но есть сладкое я не могла, потому что в упор на меня с завистью и злобой смотрели два жадных черных глаза.

Мне показалось невозможным есть свою порцию, когда моя соседка была лишена сладкого, и я решительно отодвинула от себя тарелку и тихо шепнула, наклонившись в сторону Жюли:

- Не волнуйтесь, пожалуйста, я тоже не буду кушать.

- Отвяжитесь! - буркнула она чуть слышно, но с еще большим выражением злобы и ненависти в глазах.

Когда обед кончился, все вышли из-за стола. Дядя и тетя тотчас же поехали куда-то, а нас, детей, отправили в классную - огромную комнату подле детской.

Жорж тотчас же исчез куда-то, сказав мимоходом Матильде Францевне, что идет учить уроки. Жюли последовала его примеру. Нина и Толя затеяли какую-то шумную игру, не обращая никакого внимания на мое присутствие.

- Елена, - услышала я за собою знакомый мне неприятный голос, - ступай в твою комнату и разбери твои вещи. Вечером будет поздно. Ты сегодня раньше должна лечь спать: завтра пойдешь в гимназию.

В гимназию?

Полно, не ослышалась ли я? Меня отдадут в гимназию? Я готова была запрыгать от радости. Хотя мне пришлось всего только два часа провести в семье дяди, но я уже поняла всю тяжесть предстоящей мне жизни в этом большом, холодном доме в обществе сердитой гувернантки и злых двоюродных братьев и сестриц. Немудрено поэтому, что я так обрадовалась известию о поступлении в гимназию, где, наверное, меня не встретят так, как здесь. Ведь там было не две, а может быть, тридцать две девочки-сверстницы, между которыми, конечно, найдутся и хорошие, милые дети, которые не будут меня так обижать, как эта надутая, капризная Ниночка и злая, угрюмая и грубая Жюли. И потом, там, наверное, не будет такой сердитой клетчатой дамы, как Матильда Францевна...

Мне даже на душе веселее как-то стало от этого известия, и я побежала разбирать свои вещи, исполняя приказание гувернантки. Я даже не обратила особенного внимания на брошенное мне вслед замечание Ниночки, обращенное к брату:

– Смотри, смотри, Толя, наша Мокрица – уже не Мокрица больше, а настоящая коза в сарафане.

На что Толя заметил:

– Верно, она в платье своей мамы. Точно мешок!

Стараясь не слушать, что они говорят, я поторопилась уйти от них.

Миновав коридор и какие-то две-три не такие большие и не такие светлые комнаты, из которых одна, должно быть, была спальня, а другая уборная, я вбежала в детскую, в ту самую комнату, куда Ниночка водила меня мыть руки перед обедом.

– Где мой чемоданчик, не можете ли вы сказать? – вежливо обратилась я с вопросом к молоденькой горничной, стлавшей на ночь постели.

У нее было доброе румяное лицо, которое приветливо мне улыбалось.

– Нет, нет, барышня, вы не здесь спать будете, – сказала горничная, – у вас комнатка совсем особенная будет; генеральша так приказала.

Я не сразу сообразила, что генеральша – это тетя Нелли, но тем не менее попросила горничную показать мою комнату.

– Третья дверь направо по коридору, в самом конце, – охотно пояснила она, и мне показалось, что глаза девушки с лаской и грустью остановились на мне, когда она сказала: – Жаль мне вас, барышня, трудно вам у нас будет. Дети у нас злючки, прости Господи! – И она сокрушенно вздохнула и махнула рукой.

Я выбежала из спальни с сильно бьющимся сердцем.

Первая... вторая... третья... считала я двери, выходившие в коридор. Вот она – третья дверь, о которой говорила девушка. Я не без волнения толкаю ее... и передо мною маленькая, крошечная комнатка в одно окно. У стены узкая кровать, простой рукомошник и комод. Но не это обратило мое внимание. Посреди комнаты лежал мой раскрытый чемоданчик, а вокруг него на полу

валялось мое белье, платья и все мое нехитрое имущество, которое так заботливо укладывала Марьюшка, собирая меня в дорогу. А над всеми моими сокровищами сидела горбатая Жюли и бесцеремонно рылась на дне чемоданчика.

Увидев это, я так растерялась, что не могла произнести ни слова в первую минуту. Молча стояла я перед девочкой, не находя, что ей сказать. Потом, сразу оправившись и встряхнувшись, я произнесла дрожащим от волнения голосом:

- И не стыдно вам трогать то, что вам не принадлежит?

- Не твое дело! - оборвала она меня грубо.

В это время рука ее, безостановочно шарившая на дне чемодана, схватила завернутый в бумагу и тщательно перевязанный ленточкой пакетик. Я знала, что это был за пакетик, и со всех ног бросилась к Жюли, стараясь вырвать его из ее рук. Но не тут-то было. Горбунья была куда проворнее и быстрее меня. Она высоко подняла руку со свертком над головой и в один миг вскочила на стол, стоявший посреди комнаты. Тут она быстро развернула сверток, и в ту же минуту из-под бумаги выглянула старенькая, но красивая коробочка-несессер, которую всегда пользовалась при работе покойная мамочка и которую почти накануне своей смерти подарила мне. Я очень дорожила этим подарком, потому что каждая вещица в этой коробке напоминала мне мою дорогую. Я обращалась так осторожно с коробочкой, точно она была сделана из стекла и могла разбиться каждую минуту. Потому мне было очень тяжело и больно видеть, как бесцеремонно рылась в ней Жюли, швыряя на пол каждую вещицу из несессера.

- Ножницы... игольник... наперсток... протыкалочки... - перебирала она, то и дело выбрасывая одну вещь за другою. - Отлично, все есть... Целое хозяйство... А это что? - И она схватила маленький портрет мамочки, находившийся на дне несессера.

Я тихо вскрикнула и бросилась к ней.

- Послушайте... - зашептала я, вся дрожа от волнения, - ведь это нехорошо... вы не смеете... Это не ваши... а мои вещи... Нехорошо брать чужое...

– Отвяжись... Не ной!.. – прикрикнула на меня горбунья и вдруг зло, жестко рассмеялась мне в лицо. – А хорошо от меня отнимать было... а? Что ты скажешь на это? – задыхаясь от злобы, прошептала она.

– Отнимать? У вас? Что могу я отнять у вас? – пораженная до глубины души, воскликнула я.

– Ага, не знаешь разве? Скажите пожалуйста, невинность какая! Так я тебе и поверила! Держи карман шире! Противная, скверная, нищая девчонка! Уж лучше бы ты не приезжала. Без тебя легче бы было. Все-таки мне раньше не так попадало, потому что я жила отдельно, не с противной Нинкой, маминкой любимицей, и у меня был свой уголок. А тут... ты приехала, и меня в детскую к Нинке и к Баварии перевели... У-у! Как я ненавижу тебя за это, гадкая, противная! Тебя, и твой несессер, и все, и все!

И говоря это, она широко размахнулась рукою с маминым портретом, очевидно желая отправить его туда же, где уже нашли себе место игольник, ножницы и хорошенький серебряный наперсток, которым очень дорожила покойная мамочка.

Я вовремя схватила ее за руку.

Тогда горбунья изловчилась и, быстро наклонившись к моей руке, изо всех сил укусила меня за палец.

Я громко вскрикнула и отступила назад.

В ту же минуту дверь широко распахнулась, и Ниночка стремглав влетела в комнату.

– Что? Что такое? – подскочила она ко мне и тут же, заметя портрет в руках сестры, закричала, нетерпеливо топая ногою: – Что это у тебя? Сейчас покажи! Покажи сию минуту! Жюлька, покажи!

Но та вместо портрета показала сестре язык. Ниночка так и вскипела.

– Ах ты, дрянная горбушка! – вскричала она, бросаясь к Жюли, и прежде чем я могла удержать ее, она в одну минуту очутилась на столе рядом с нею.

– Покажи сейчас, сию минуту! – кричала она пронзительно.

– И не подумаю, с чего ты взяла, что я буду показывать? – спокойно возразила горбунья и еще выше подняла руку с портретом.

Тогда произошло что-то совсем особенное. Ниночка подпрыгнула на столе, желая выхватить вещицу из рук Жюли, стол не выдержал тяжести обеих девочек, ножка его подвернулась, и обе они с оглушительным шумом полетели вместе со столом на пол.

Крик... стон... слезы... вопли.

У Нины кровь льет ручьем из носа и капает на розовый кушак и белое платье. Она кричит на весь дом, захлебываясь слезами...

Жюли присмирела. У нее тоже ушиблены рука и колено. Но она молчит и только втихомолку кряхтит от боли.

На пороге комнаты появляются Матильда Францевна, Федор, Дуняша, Жорж и Толя.

– Остроумно! – тянет Жорж по своему обыкновению.

– Что? Что случилось? – кричит Матильда Францевна, бросаясь почему-то ко мне и тряся меня за руку.

Я с удивлением смотрю в ее круглые глаза, не чувствуя ровно никакой вины за собою. И вдруг взгляд мой встречается со злым, горящим, как у волчонка, взором Жюли. В ту же минуту девочка подходит к гувернантке и говорит:

– Матильда Францевна, накажите Лену. Она прибила Ниночку.

Что такое?.. Я едва верю своим ушам.

– Я? Я прибила? – повторяю я эхом.

– А скажешь – не ты? – резко закричала на меня Жюли. – Смотри, у Нины кровь идет носом.

– Велика важность – кровь! Три капельки только, – произнес с видом знатока Жорж, внимательно расследуя припухший нос Нины. – Удивительные эти девчонки, право! И подраться-то как следует не умеют. Три капли! Остроумно, нечего сказать!

– Да это неправда все! – начала было я и не докончила моей фразы, так как костлявые пальцы впились мне в плечо и Матильда Францевна потащила меня куда-то из комнаты.

Глава 7

Страшная комната. – Черная птица

Сердитая немка протащила меня через весь коридор и втолкнула в какую-то темную и холодную комнату.

– Сиди здесь, – злобно крикнула она, – если не умеешь вести себя в детском обществе!

И вслед за этим я услышала, как щелкнула снаружи задвижка двери, и я осталась одна.

Мне ни чуточки не было страшно. Покойная мамочка приучила меня не бояться ничего. Но тем не менее неприятное ощущение остаться одной в незнакомой холодной темной комнате давало себя чувствовать. Но еще больнее я чувствовала обиду, жгучую обиду на злых, жестоких девочек, наклеветавших на меня.

– Мамочка! Родная моя мамулечка, – шептала я, крепко сжимая руки, – зачем ты умерла, мамочка! Если бы ты осталась со мною, никто бы не стал мучить твою

бедную Ленушу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/lidiya-charskaya/zapiski-malen-koy-gimnazistki>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)